

НАЦИЯ И ИДЕНТИЧНОСТЬ: К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЙ

Сложность и многомерность проблемы национальной идентичности сопряжена с серьезными понятийно-категориальными трудностями в современной гуманитарной науке, обусловленными неоднозначностью трактовок самого термина «нация». Ситуация осложняется тем, что нет не только единого алгоритма возникновения и функционирования национальных движений, современных наций и национальных государств, но и те нормы, которые существуют, пришли в движение и перестают «работать» в условиях глобализации.

Одной из актуальных проблем развития современной цивилизации в эпоху глобализации выступает задача сохранения национальной идентичности. Так, например, по мнению С. Хантингтона, «почти повсюду люди задаются вопросом, что у них общего с согражданами и чем они отличаются от прочих, пересматривают свои позиции. Кто мы такие?.. Иными словами, кризис национальной идентичности наблюдается повсеместно, то есть носит глобальный характер» [1].

Следует отметить, что сложность и многомерность проблемы национальной идентичности сопряжена с серьезными понятийно-категориальными трудностями в современной гуманитарной науке, обусловленными неоднозначностью трактовок самого термина «нация». Ситуация осложняется тем, что нет не только единого алгоритма возникновения и функционирования национальных движений, современных наций и национальных государств, но и те нормы, которые существуют, пришли в движение и перестают «работать» в условиях глобализации. Национализм, действительно, настолько разнообразен, что невозможно сформулировать какую-либо единую универсальную теорию нации. Видимо, речь должна идти «не только о разных моделях национализма в разных регионах мира или о разных этнических национализмах, но и вариативности в рамках, казалась бы, единой традиции» [2].

Обратимся в данном контексте к определению понятия нации, основной категории теории национальных отношений и процесса. В современной обществоведческой литературе, фактически, нет общепринятого определения нации. Эту ситуацию достаточно точно охарактеризовал В. Бэйджот: «до тех пор, пока нас о ней (нации) не спрашивают, мы понимаем, что это такое, но тотчас же это объяснить или определить мы не в состоянии» [3]. Приведем в этой связи также и слова немецкого историка Т. Моммзена: «нация - это только фикция, но ее отмена - это утопия» [4].

Общеизвестно выделение следующих традиционных подходов в определении категории «нация» - примордиализм, конструктивизм. Если примордиализм опирается на идею изначальности, объективности существования нации, то конструктивизм настаивает на «искусственности» нации, акцентирует внимание на субъективных факторах ее возникновения.

Примордиалистский подход связан с тем, что нацию можно идентифицировать на основе определенных объективных признаков, не зависящих от субъективных воззрений ее представителей. В качестве таких признаков берутся чаще всего общие, а не специфические характеристики: территория, экономическая жизнь, общность языка, национальный характер культуры. Представители другого подхода видят в нации «большой коллектив», основанный на фундаментальном согласии своих членов. Э. Ренан еще в 1882 г. определял нацию как общую солидарность, как выражение желания продолжать жить вместе: «Существование нации - это ежедневный плебисцит» [5].

Совершенно другим примером понятийной концептуализации нации служат идеи Эрнста Геллнера, в частности его работа «Нации и национализм», в которой образование наций связывается с формированием новых основ культурной дифференциации, вызванной необходимостью надэтнической культурной среды, соответствующей современному индустриальному обществу. Э. Геллнер, а также Б. Андерсон говорят о национальности (уже в смысле этничности) как о результате воспитания в определенном обществе, в котором человеку внушается миф об общем происхождении и тесной кровной, культурной, исторической связи всех представителей того народа, к которому он принадлежит. В действительности за этим мифом ничего не стоит, и нация остается «воображаемой общностью», «идеологической конструкцией» [6].

Следует отметить, что в исследованиях национальной проблематики конструктивизм утвердился во многом благодаря книге Бенедикта Андерсона «Воображаемые сообщества» (1983), а также сборнику статей под редакцией Эрика Хобсбаума и Теренса Рэйнджера «Изобретение традиции» (1983). К сторонникам социального конструирования можно отнести Роджерса Брубека, Хоми Бхабха и их коллег по «постколониальным исследованиям» (postcolonial studies).

Национализм, по Б. Андерсону, – новый принцип организации социальной реальности, пришедший на смену религиозному и династическому принципам. Идея нации в Новое время стала играть ту же роль, какую в Средние века играла христианская вера: она позволяла людям объединяться в культурно-политические сообщества.

Нация – разновидность человеческих сообществ. Как и всякое сообщество, превышающее эмпирически фиксируемые границы (их можно зафиксировать разве что в случае семьи, малой группы или сельской общины), нация представляет собой воображаемое сообщество. Это, разумеется, ни в какой мере не означает ее нереальности, фиктивности, существования «лишь в головах». Воображаемость нации указывает исключительно на то обстоятельство, что каждый из составляющих ее индивидов лично не знает и никогда не узнает всех остальных ее членов, что не мешает ему мысленно с ними соотноситься. В то же время нация всегда территориально определена (даже если ее границы эластичны и размыты), суверенна (обладает государством, а вместе с ним – независимостью) и выражена в чувстве общей солидарности.

Если нация воображается, или «изобретается», или «конструируется», то задача исследователя состоит в том, чтобы проследить процесс такого конструирования. Иными словами следует выяснить, в силу каких причин и под воздействием каких факторов утверждается данный тип коллективной солидарности, а все иные либо оттесняются, либо сходят на нет.

Этот подход отходит от историко-детерминистской и примордиалистской интерпретации понятия нации.

Теории национализма Э. Геллнера и Б. Андерсона основываются на том, что идентификация с нацией является следствием процесса модернизации. То есть, национальное сознание явилось непосредственным результатом развития современных средств коммуникации, массового рынка, урбанизации, усиления влияния государства на население через систему налогов и воинской обязанности и, прежде всего, школьной системы и печатной культуры. Геллнер отмечает, что нации изначально не существовали, а образовались из объединения культуры и политики. Индустриализация порождает новые формы соперничества, в которых всплывают старые родовые мифы, источающие национализм, создающий нации: «Нация как естественный, от бога данный способ классификации людей, как внутренне заложенная политическая судьба – это миф. Национализм, который иногда превращает в нации ранее существовавшие культуры, а иногда изобретает их, зачастую уничтожает самобытные, ранее существовавшие культуры – такова реальность, как бы ее ни оценивать, неизбежная реальность» [7].

Другой исследователь Хоми Бхабха считает, что национальная идентичность не имеет под собой никаких иных оснований, кроме духовных, и существует исключительно в форме рассказов и преданий разных народов о самих себе [8]. Нация возникла как западная историческая идея из политической и литературной традиции романтизма, выдвинувшей недостижимый символический идеал единства, некогда существовавшего в мифическом прошлом и требующего возрождения. Этот идеал совпадает с психологической потребностью человека иметь перед собой «значимого чужого», в котором он видит зеркальное отражение себя. Но все это годится для однородных обществ эпохи Просвещения и утрачивает силу в условиях, когда разные группы дают свои трактовки и версии истории, а поток мигрантов из бывших колоний размывает прежние принципы равенства. Выявляется фрагментарность идеи нации и национальной идентичности, что ведет к росту внутринациональных противоречий.

Указанные подходы, как показывают дискуссии, не выявляют всей сложности понятия нации, этого многогранного социального феномена. В первую очередь это связано с неопределенностью, неустойчивостью современного социального ландшафта, противоречивостью и разнонаправленностью тенденций развития современной цивилизации (национальное единство и мультикультурализм, глобализация и локализация, международная миграция населения и др.). Данные процессы вносят свои определенные коррективы в прежние расшифровки понятия нации.

Для адекватного вызовам стремительно меняющейся социальной реальности описания феномена нации перспективным представляется обращение к категории национальной идентичности. Национальная идентичность потеснила более привычные для традиционных подходов понятия национальное самосознание, национальный характер и др. Идентичность действительно становится «призмой, через которую рассматриваются, оцениваются и изучаются многие важные черты современной жизни» [9].

Понятие идентичности, ставшее частью обиходного языка, все больше привлекает внимание исследователей в силу его эвристической значимости и практической важности. Национальная идентичность, на наш взгляд, может быть рассмотрена со следующих позиций: 1) функционалистической (она выполняет внешние и внутренние функции. С одной стороны, она дает индивиду возможность отличать себя от других, «Мы» от «Они», с другой – определяет его социальное пространство относительно некоторой территории, экономики, политики, исторических и духовных точек отсчета); 2) релятивистской (идентичность находится в процессе постоянного изменения); 3) плюралистической (каждый индивид обладает набором идентичностей; национальная идентичность, определяемая языком и территорией, не является единственной его характеристикой).

Основными факторами, влияющими на формирование национальной идентичности, выступают историческая территория (или подчинение государства международному праву); общий язык; общая экономика; общая религия; общие мифы и историческая память; общая массовая культура; общие законы и обязанности для всех членов. Общность политической жизни, вхождение в некоторое общее законодательное и политическое сообщество позволяет говорить о существовании «политической нации» (пример – Европейское сообщество) в отличие от «культурной нации», которая определяется общностью культуры, языка и религии. Разделение политической и культурной нации является, конечно, условным, теоретическим, поскольку реальные нации являются смешением обоих типов. Для национальной идентичности важны не только объективные, но и субъективные факторы.

Таким образом, было бы более перспективным и конструктивным не разделять имеющиеся подходы в определении нации, а рассматривать их в совокупности. На наш взгляд, следует, не отрицая наличия национального сознания как необходимой предпосылки национальной идентичности, признавать специфический исторический контекст возникновения этого национального сознания, сложившийся в процессе социализации, неотделимом от объективных общественных условий.

Суть в том, что в основном нация складывается из сознательного соотнесения с ней реальных индивидов, в результате чего проявляется отношение к национальному, инациональному в целом, самосознание, чувства и переживания.

Исходя из этого, можно охарактеризовать нацию как социальный конструкт, основанный на духовно-психологическом, территориально-хозяйственном, историко-культурном единстве. Сами внешние символы общности (территория, хозяйство, история) не раскрывают в полной мере внутренних, экзистенциальный смысл бытия нации. Это только объективные стороны жизни нации. Они должны быть осознаны, стать основой ценностных взглядов, отношений, основой проявления национального самосознания и соотвествующих ему чувств, переживаний, традиций. Без такого полного проявления национального сознания общность не выступит как активный субъект исторического процесса. Поэтому в определении нации необходимо подчеркивать не только ее объективные основания, но и то, какое отражение эти основания получили в национальном сознании.

Литература:

1. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004. С. 35-36.
2. См.: Национализм в мировой истории. / Под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М., 2007.
3. См.: Романов Р.А., Оль П.А. Нация (генезис понятия и вопросы правосубъективности). СПб., 2002. С. 22.

4. См.: Погорельская С. Внутриполитические аспекты новой германской внешней политики // МЭиМО. 2001. № 7.
5. Ренан Э. Исторические статьи. Киев, 1902. С. 101.
6. См.: Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.
7. См.: Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991.
8. См.: Кольев А.Н. Нация и государство. Теория консервативной реконструкции. М., 2005. С. 369.
9. Бауман Э. Индивидуализированное общество М., 2002. С. 176.